

Е. А. Лебедева

Тверской государственной университет, 2 курс, магистратура

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

АНОМАЛИИ: ЯЗЫКОВЫЕ ИЛИ РЕЧЕВЫЕ?

Нередко переводчики в своей практике сталкиваются в текстах с искажениями литературного языка и речи, то есть с отклонениями от литературной нормы, которые не имеют эквивалентов на ПЯ. В русском переводе подобные единицы получили название языковых аномалий. Рассматривая их в качестве элементов художественного текста, И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер понимают под ними «те случаи отклонения от нормы, для которых достаточно легко предложить стандартный способ выражения в языке» [Кобозева, Лауфер 1990: 126]. Если восстановить форму, соответствующую норме, крайне трудно или невозможно, переводчик сталкивается уже с иным стилистическим приемом.

Приведём пример, чтобы наглядно показать разницу между аномалией и игрой слов. В романе “The Casual Vacancy” Дж.К. Роулинг нередко прибегает к искажению речи персонажей, чтобы показать особенности их социального статуса или происхождения. Одна из героинь романа говорит: “*your ‘usband said somthin’ abou’ Mister Fairbrother, right, an’ I couldn’t hear what he was saying, right*” (J.K. Rowling. The Casual Vacancy). Е. Петрова, которая работает над переводом данного романа, переводит эту фразу на русский язык как «*ваш муж сказал чё-то про мистера Фейрбразера, а я не расслышала, чё он говорил*». И на английском и на русском языке достаточно просто исправить эту фразу так, чтобы она соответствовала литературной норме. Например, “*your husband said something about Mister Fairbrother, and I couldn’t hear what he was saying*” и «*ваш муж сказал что-то про мистера Фейрбразера, а я не расслышала, что он говорил*».

Примером же стилистического приёма может послужить каламбур, то есть юмористическое использование «разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов» [Ахманова 2004: 188]. Уильям Шекспир нередко прибегает к каламбуру в своих произведениях. Так, в «Ромео и Джульетте» умирающий Меркуцио говорит: “*Ask for me tomorrow, and you shall find me a grave man*” [Shakespeare URL]. В его фразе актуализируется сразу два значения слова *grave*, а именно: «серьёзный, важный, заставляющий беспокоиться» и «могила». Это не речевая ошибка, обусловленная социальным статусом или происхождением персонажа, а намеренная игра со словом, призванная создать определённый юмористический эффект.

Обратимся к самому понятию «языковая аномалия». Можно ли с полной уверенностью утверждать, что аномалии являются элементами языка, а не речи? Сама И.М. Кобозева говорит о том, что для вычленения аномальных элементов необходимы «знания о принципах и правилах речевого общения» [Кобозева 2000: 16]. Кроме того, лингвист подчёркивает, что слова, «изолированные от контекста их употребления, не бывают правильными или аномальными»

[Кобозева 2000: 200]. И потому, если мы разграничиваем язык и речь и понимаем под языком сформировавшуюся на протяжении истории выверенную систему «звуковых, словарных и грамматических средств» [Ожегов, Шведова 1995: 905], обладающую «внутренней целостностью и единством» [Ярцева URL], а под речью – процесс говорения и получаемые в результате речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом [Ярцева URL], становится очевидным, что аномальность не свойственна языку как системе, но свойственна реализации этой системы в коммуникации, то есть – речи. Язык же выступает, скорее, способом фиксации отклонений от нормы.

Разграничивая язык и речь, мы основываемся на теории Л.В. Щербы, который разводит язык как систему, речевую способность и языковой материал. Под первой он понимал совокупность «всех актов говорения и понимания, имевших место в определённую эпоху жизни той или иной общественной группы» [Щерба 2004: 25], закреплённую в словарях и грамматиках и тем самым превратившуюся в норму. Речевая способность – поле нарушения норм, поскольку каждый индивид создаёт формы слов и их сочетания в процессе речи под воздействием конкретных обстоятельств. Этот речевой механизм не является простой совокупностью речевого опыта, а представляет собой социальный продукт его переработки [Щерба 2004: 25]. Под языковым материалом понимаются тексты, на основе которых лингвисты изучают речевые практики и, проанализировав их, возвращаются к языковой системе и вносят в неё необходимые изменения [Щерба 2004: 26].

Проанализировав данные теоретические положения, мы пришли к выводу, что точнее было бы называть отклонения от нормы подобного вида не языковыми, а речевыми аномалиями.

Уточним ещё один аспект. Поскольку аномалии – это отклонения от нормы, требуется четкое понимание того, что такое норма. В «Словаре лингвистических терминов» норма определяется как «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [Ахманова 2004: 270].

Если обратить внимание на бытовое понимание нормы, то есть определение ее как ориентира для определенного «языкового коллектива в области произношения, отбора и употребления лексики, грамматических конструкций» [Илюшкина 2015: 35], становится очевидной связь данного понятия с еще одним важным фактором, который должен учитываться при переводе, а именно – с узусом.

Согласно теории Л. Ельмслева узус представляет собой «язык как совокупность навыков», а норма – это «язык как материальная форма» [Ельмслев 2006: 167]. Оба этих понятия зависят от социальной реальности, однако узус также учитывает детали той или иной конкретной ситуации [Ельмслев 2006: 167]. Важно отметить, что узус и акт речи предшествуют норме, а не являются ее следствием [Ельмслев 2006: 179], а любой коммуникативный акт регулируется правилами узуса [Швейцер 1988: 129], то есть по отношению к узусу норма является абстракцией, а акт речи – конкретизацией [Ельмслев 2006: 173].

Таким образом, аномалии действительно тесно связаны с нормами языка и узусом, однако встречаются именно в речи, поскольку ей свойственны гибкость и изменчивость, чего нельзя сказать о языке, являющемся устоявшейся системой правил и употреблений.

ЛИТЕРАТУРА

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.

Илюшкина М.Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 84 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 125 – 138.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 16.11.25).

Роулинг Дж.К. «Случайная вакансия» / Перевод Петровой Е. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2013. 576 с.

Словарь лингвистических терминов / гл. ред. О.С. Ахманова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 576 с.

Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд. исп. и доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: «АЗЪ», 1995. 928 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: «Наука», 1988. 215 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 432 с.

Rowling J.K. “The Casual Vacancy”. Great Britain: Little, Brown, 2012. 503 p.

Shakespeare W. “Romeo and Juliet”. URL: <https://ebook-mecca.com/online/Romeo%20and%20Juliet%20%20William%20Shakespeare.pdf> (дата обращения: 15.04.26).